

Арусяк Агабабян (РФ), Кубанский государственный университет,
научный сотрудник исследовательских проектов кафедры
всеобщей истории и международных отношений (Краснодар).

**«ИГРЫ ПАМЯТИ» ИЛИ «О ГЕНОЦИДАЛЬНОСТИ СВОЕЙ Я
ВСЕМУ МИРУ РАССКАЖУ»: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ПРОБЛЕМЫ ГЕНОЦИДА АРМЯН В ОСМАНСКОЙ
ИМПЕРИИ СОВРЕМЕННЫМИ АРМЯНСКИМИ ГРУППАМИ -
ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ АРМЯНСКОЙ ОБЩИНЫ
КРАСНОДАРА**

24 апреля 2015 г. стало новой точкой отсчета (или точкой невозврата?) консолидирующего эффекта трагедии, вот уже более ста лет будоражащей сознание не менее специфичной и неординарной макроэтнической группы, встроенной в рамки сразу нескольких идентификаторов: нация/народ, нация-государство и диаспора. Сопутствующим этому процессу коллективной солидарности событием, а точнее – его апогеем, явилась собирательная канонизация (чин причисления к лику святых) полутора миллионов жертв геноцида армян в Османской империи, состоявшаяся в Первопрестольном Эчмиадзине аккурат в канун векового почтения судьбоносной даты. Таким нехитрым образом память не то, чтобы приравнялась к прошлому, а окончательно возоблудала над ним. Данная работа представляет собой размышления о понимании проблемы через призму ее обозначения и репрезентации, где восприятие многосложных терминов обычными людьми (носителями традиции) стирает все возможные и невозможные границы и условности их трактовок. Об одной из таких «условностей» (условно это понятие в силу «игры» то ли слов, то ли все той же памяти), т.е. о *геноцидальности* и пойдет речь ниже; о том, что на самом деле так далеко от нас, но стремительно приближается к нам с помощью перекинутого моста времени и фиксируется в лучших традициях «воображаемых сообществ» в столь безмерной и безграничной национальной идентичности; о том, как понимается явление «геноцид» небольшим сообществом, вписанным в многозорную канву армянской диаспоры.

По официальным сведениям, на территории Краснодарского края Российской Федерации и в его административном центре – г.

Краснодаре армянские поселенцы на сегодняшний день составляют вторую по численности населения этническую группу²³⁰. При характерной массовости местная община остается далеко не однородной и дифференцируется по классической региональной схеме, устоявшейся в армянской этнографической науке («западные» и «восточные» армяне). Многообразие локальных общностей формировалось не только в поздний период: оно имело место намного ранее и зависело от ряда факторов, приведших к поэтапному переселению и освоению армянами различных областей современного юга России и конкретно края. Отсюда уместно выделить как минимум два армянских «поколения» в границах урбанистического локуса (г. Екатеринодар/Краснодар): «старожилы» (потомки переселенцев с конца XVIII в. и до середины XX в.) и поселенцы последующих волн миграции (с начала 1970–80-х гг.). К «старожилам» принято относить следующие группы (в хронологическом порядке):

1) моздокские (մոզկոկցի) и кизлярские (կիզլարցի) армяне-торговцы, пришедшие непосредственно из соседних регионов Северного Кавказа (первоначально переселились из Ирана) – с конца XVIII в.²³¹;

2) выходцы из Нор-Нахичевана (район Дона; по происхождению из Крыма) и Черкесии (тоже имеют отношение к колонии в Крыму), причем последние известны более как «черкесогаи»

²³⁰ Всего по краю на 2010 г. проживало 281 680 человек, а в самом Краснодаре – 26 970. Аналогичное положение было выявлено по итогам предыдущей переписи в 2002 г. (правда, мы не располагаем точными данными по городской черте) – 274 566 человек. Однако по результатам последней переписи населения в СССР в 1989 г. армяне уступали это положение украинцам (182 217), занимая, соответственно, третье место. См.: Национальный состав и владение языками, гражданство (Т.4.) 2013 // Всероссийская перепись населения 2010

URL: gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (доступ от 15.09.2016); Итоги Всероссийской переписи населения 2010. 15 апреля 2013 г. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю

URL: krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default (доступ от 15.09.2016); Национальный состав и владение языками, гражданство (Т.4.) 2004 // Всероссийская перепись населения 2002 года

URL: perepis2002.ru/index.html?id=17 (доступ от 15.09.2016); Всесоюзная перепись населения 1989 // Демоскоп Weekly. 2014

URL: demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=2 (доступ от 16.09.2016).

²³¹ Шахназарян Н.Р. Армяне Краснодарского края: Сборник информационно-методических материалов. Краснодар, 2008.

(շերլեզահայ) или черкесские/горские/закубанские армяне (самоназвание от адыг. *Ермэл* – «армяне») – с XIX в.²³²;

3) амшенцы (հաճշեմահայեր) или причерноморские / понтийские армяне²³³ (переселенцы из области Понт, охватывающей турецкий южный берег Черного моря); армяно-католики или франги (ֆրանկեր) из Артина (ныне одноименная провинция на северо-востоке Турции, граничащая с Грузией; частично входил в понтийский культурный ареал); карсцы и эрзерумцы (беженцы из некогда Карской области, сейчас разделенной на три турецкие провинции – Карс, Эрзерум и Ардаган) – массовые и систематические миграции со второй половины или с конца XIX в. по начало XX в. по причине начавшихся гонений, угрозы жизни и в итоге кровавой чистки, учиненной радикальными представителями младотурок²³⁴;

4) «смешанные» переселенцы, к примеру, реабилитированные после депортации из Крыма в 1940-е гг. (среди них значились трапизонцы и байбуртцы из Понта и т.д.) – после 1950-х гг.

За исключением первых двух больших групп, которые постепенно утратили лидирующие позиции, растворились среди местного населения или заполнили периферийную нишу «армянства», оставшиеся выглядели более сплоченными (возможно, в силу объединяющего «западного» происхождения и общности пережитой их предками драмы) и успешно составляли костяк неформальной армянской диаспоры/общины г. Краснодара вплоть до конца 60-х гг. XX в. Ситуация резко поменялась в 1980–90-е гг. после серии трагических событий и политических изменений на

²³² Колесов В.И. Документы, идентификация, граница: земли Черноморского казачьего войска и этническая история закубанских армян // Армения и армяне в контексте мировой культуры: Материалы региональной научной конференции, г. Краснодар, 25 апреля 2006 г. Краснодар, 2008. С. 73–88.

²³³ Амшенские армяне – носители резко отличающихся культурных и языковых традиций внутри обобщенного этносообщества (даже внутри большой западной группы, к которой они примыкают), проживают в Краснодарском крае (компактно заселяют Белореченский, Анапский, Туапсинский, Апшеронский р-ны, г. Сочи и его окрестности), Адыгее (Майкопский р-н), соседней Абхазии (численное первенство), Аджарии и в Крыму. В краснодарской общине они не доминируют, но нередко встречаются представители внутренних подгрупп, например, трапизонцы.

²³⁴ См. подробнее: Кузнецов И.В. Понтийско-кавказские исследования: лекции, статьи. Краснодар, 2008; Селицкий А.И. Из истории армяно-католиков на Северном Кавказе // Армения и армяне в контексте мировой культуры: Материалы региональной научной конференции, г. Краснодар, 25 апреля 2006 г. Краснодар, 2008. С. 120–133.

постсоветском пространстве (Спитакское землетрясение 1988 г., распад СССР, армяно-азербайджанский вооруженный конфликт 1991–94 гг., экономическая нестабильность в Республике Армения и т.д.). Именно тогда стартовала очередная масштабная переселенческая волна, конечным маршрутом которой стала рассматриваемая местность. С тех самых пор полноправными обитателями Краснодарского края и Краснодара в частности являются: ленинканцы (обиходное обозначение пострадавших от землетрясения жителей городов Гюмри, Спитак, Ванадзор); бакинцы, кировабадцы, сумгаитцы, мингечаурцы, шемахинцы, исмаиллинцы, закатальцы, евлахцы, карабахцы (выходцы из Азербайджана и Нагорного Карабаха – массовый поток)²³⁵; хайастанцы (мигранты из столицы Армении и районов; в их среде в частном порядке встречались нахичеванцы, осевшие в республике после депортаций в конце 1980-х гг.); грузинские армяне – джавахцы (католики/франги и григориане, потомки эрзерумцев, мушцев, карсцев из Ахалцихского, Ахалкалакского и Ниноцминдского муниципалитетов Самцхе-Джаваheti)²³⁶ и тифлисцы (г. Тбилиси); переселенцы из Средней Азии и другие²³⁷. За исключением ленинканцев и джавахцев, оставшиеся группы в разной степени служат эталону противоположной региональной традиции – восточноармянской (в том числе и в языковом/диалектном плане).

²³⁵ Некоторые информанты (по совместительству ведущие лидеры общины из «старожилов») отмечают, что отдельные группы армян из Баку и Кировабада стали появляться в городе еще с конца 1960-х гг. Разительно отличающиеся от местных поселенцев, они стали своего рода «раздражающим фактором» для последних (о. Даниэл (В.Г. Кукуян). Интервью: 7 сентября 2016 г., Краснодар). Внутренние культурные перегородки между «старыми» и «новыми» армянами Краснодара закрепились в термине-экзоэтнониме շրվա սիւնով հայեր – букв. «перевернутые армяне», который стал употребляться далее в отношении не только выходцев из Азербайджана, но и Нагорного Карабаха в целом.

²³⁶ Петросян А. Франги: Историко-этнографическое исследование. 29 мая 2007 г

// Маштоц. URL: isc-s.ru/istoriya-armyan-kubani/nauchnye-raboty/frangi-istoriko-etnograficheskoe-issledovanie.html (доступ от: 12.09.2016).

²³⁷ Здесь имеются в виду переехавшие из Абхазии вследствие грузино-абхазской войны 1992–93 гг. армяне-амшенцы, а также хемшилы – мусульмане-сунниты, говорящие на амшенском диалекте армянского языка и тяготеющие более к турецкой (мусульманской) идентичности. Перебравшись из Средней Азии, они рассредоточились исключительно в сельской местности, главным образом, в Апшеронском р-не. См. подробнее: Кузнецов И.В. Указ. соч. С. 214–250.

Обустроившись на новом месте, национальные лидеры, представляющие названные локальные субэтнические группы, начинают формировать облик краснодарского армянского общества²³⁸, деятельность которого выходит на прогрессивный уровень лишь к началу 2000-х гг. Попытки воссоздать (или создать) единый организм, функционирующий от имени меньшинства, предпринимались в советские годы, хотя и были не столь успешными. Рассматривать их стоит скорее как индивидуальные инициативы с четко обозначенными приоритетами (спасение религиозных ценностей закрытой церкви, курсы изучения армянского языка)²³⁹. Сейчас община представляет собой разросшуюся структуру, номинально подчиняющуюся единому центру – общероссийской общественной организации «Союз армян России» (САР; региональное отделение действует при Центре национальных культур, ему же подчиняется Пашковская община²⁴⁰). Фактически же кооперирующие действия в городе возложены на другую институцию – церковную. Дело в том, что в краевой столице расположены резиденция главы Епархии Юга России Армянской Апостольской Церкви (епископ Мовсес Мовсесян, основана в 1997 г. путем реорганизации предшествующих представительств), две армянские церкви: Святого Иоанна Евангелиста (Սուրբ Հովհաննէս Ալէ-ւիշրիմիչ, освящена лично католикосом Гарегином I в 1994 г.)²⁴¹ и Святых Саака и Месропа (Սուրբ Մահալ Սուրբ Մերուց Եկեղեցի, 2010 г.), а также ведется строительство Кафедрального собора Святой Марии Богородицы (Սուրբ Մարիամ Աստվածածին, фундамент освящен в 2014 г.). По соседству с указанными храмовыми постройками локализуются культурно-просветительские центры (культурно-образовательный центр «Варданян», Пашковский армянский культурный центр), служащие вспомогательным рычагом поддержания существования сообщества в условиях диаспоры

²³⁸ Так, среди бизнесменов и меценатов главенствуют уроженцы Баку и Кировабада, встречаются франги из Грузии; некоторые священнослужители происходят из «местных» людей (трапизонцы), хотя в качестве носителей сана чаще практикуют приглашение лиц из Армении и западной диаспоры; учителя воскресных школ имеют карабахское происхождение и т.д.

²³⁹ о. Даниэл (В.Г. Кукуян). Интервью: 7 сентября 2016 г., Краснодар.

²⁴⁰ Пашковский (или разговорное Пашковка) – микрорайон на юго-востоке г. Краснодара.

²⁴¹ В границах того же участка геташенцами (выходцы из с. Геташен, Шаумяновский р-н, НКР) в 1995 г. была построена часовня Св. Пантелеймона (Սուրբ Պանդէկեոն), которая поныне функционирует самостоятельно (внутреннее помещение облагорожено геташенскими активистами летом 2016 г.).

(воскресные школы по изучению восточноармянского литературного языка, курсы дополнительного образования, секции народной музыки и танцев, молодежные волонтерские организации, печатные и информационные органы).

Активно вливаясь в риторику общеармянских проблем, члены местной диаспоры/общины совместно с церковными деятелями не обходят стороной и процесс репрезентации так называемой *геноцидальности*. Под этим условным термином (здесь и далее приводится в заявленном написании) следует понимать один из трех базовых маркеров идентичности армян (наряду с языком и конфессиональной принадлежностью), причем, наиболее поздний по хронологии возникновения. В упрощенном виде его суть заключается в настойчивом отстаивании требований признания факта международного преступления, совершенного более ста лет тому назад в пределах Османской империи, и их выражение любимыми доступными и легитимными способами²⁴². Примечательно, что данный маркер успел стать в современной обыденности, как, впрочем, и два предыдущих, культурным символом интегрирующего характера независимо от конкретного локального происхождения его носителей.

Лейтмотив символичности языка (при наличии двух литературных вариаций и обилия диалектного членения в каждой), древней письменности и фигуры его создателя – Месропа Маштоца, приложившего, кстати, не мало усилий для появления на свет и других письменных традиций, реализуется через постоянную эксплуатацию армянского алфавита (от правила хорошего тона – умения писать собственные имя и фамилию на родном языке до ношения ювелирных изделий и прочей продукции в форме букв или декорирования ими архитектурного ансамбля церковных построек). Весь символизм христианской религии (с учетом апостольской / григорианской, католической и протестантской составляющих) транслируется этнической общностью не столько путем строгой приверженности догматам веры/культовой практике, сколько поддержанию образа сакрального института (к слову, там, где есть армянская церковь, т.е. *сооружение*, всегда найдутся армяне, «кому бы» они не молились в действительности, или там, где живут армяне, обязательно строятся свойственные только

²⁴² Известны случаи радикального привлечения внимания к «армянской» проблеме преимущественно в Европе в начале 1980-х гг. потомками уцелевших очевидцев резни 1915 г.

«для их конфессии» храмы)²⁴³. Наконец, к имеющемуся списку логично добавить еще один немаловажный универсальный показатель конструирования «армянства» – обращение к славному прошлому, «великой» истории, отождествляемой с эпохой национального и государственного расцвета, прошлому, утраченному по суровой воле судьбы (оправдывается идеей жертвенности). Как отмечал французский журналист, писатель и специалист по национальным меньшинствам Франции Ж.-П. Ришардо: «*Самый незаметный портной-армянин в квартале Сантье в Париже, самый скромный армянин киоскер на улице Канебьер в Марселе знают, что Тигран II был великим царем Армении*»²⁴⁴.

Но *геноцидальность* выбивается из этой цепочки, превращаясь из стандартного связующего звена параметров идентичности в объемную подвеску памяти, она же консервирующий замок, который сознательно передается, словно фамильная драгоценность, из поколения в поколение, из века XX в век XXI (!). Ритуализация геноцида как рефлексия общенародного единства вырождается именно в предлагаемое нами понятие. Для такой многочисленной этногруппы или, выражаясь терминологией, предложенной американским социологом Майклом Манном, макроэтничности, как армяне, ужас событий 1915 г. и сопричастность к ним в статусе жертвы (пусть даже и воображаемая для потомков) стали ведущим понятием в перечне определяющих этничность критериев²⁴⁵. Будучи самой «юной» по времени и причинам, способствовавшим ее появлению (здесь имеется в виду не только факт осуществленной кровавой чистки, но и последовавшая позже юридическая полемика, которая привела к оформлению тенденциозного термина *genocide*), *геноцидальность* прочно укореняется в армянском восприятии как главный консолидирующий символ

²⁴³ Как размышлял известный деятель диаспоры, французский кинорежиссер Анри Верней (Ашот Малакян): «...Вообще, неизвестно, есть ли у армянина вера или нет. Хождение в церковь для армянина это не собственно религия, а средство поддержания связи с языком, с традициями». См.: Ришардо Ж.-П. Армяне, чего бы это ни стоило. М., 2008. С. 168.

²⁴⁴ Ришардо Ж.-П. Указ. соч. С. 10.

²⁴⁵ См.: Манн М. Темная сторона демократии: Объяснение этнических чисток / Пер. с англ. Д. и М. Сливняк, В. Туза. М., 2016; Суни Г.Р. Глобализация, нация и меняющиеся идентичности: жизнь в мире после 11 сентября // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. Краснодар, 2006. № 4. Вып. 1 (7). С. 348–363.

(«жить вопреки» или, следуя на поводу у лозунга столетия, *Remember and Demand* – «Помнить и требовать»)²⁴⁶.

Между тем, *геноцидальность* как лидирующий критерий современного «армянства» представляется весьма многосложным понятием и обладает несколькими яркими показателями, по средствам которых наиболее корректно раскрывается его содержание:

– *Приватизация термина «геноцид»*. Несмотря на наличие синонимичного наименования для обозначения трагедии 1915 г. – Մեծ Եղբուն («Великая резня» / «Великое злодеяние»), оно уступает лавры первенства широко употребляемому Հայոց Յղջիւնը т.е. «Геноцид армян / Армянский геноцид», что является соответствующей калькой от исходного *Armenian Genocide* (сравни с метаморфозами употребления термина *Holocaust*). Смысл терминологической приватизации сводится к тому, что под «геноцидом» автоматически подразумевается «армян», и, наоборот, наступает тот самый критический момент, когда, при упоминании «армяне», по умолчанию в слаженном ряду ассоциаций возникает столь болезненный, ненавистный и таки и не признанный виновной стороной «геноцид». Легитимации подобного присваивающего поведения способствует факт обращения в свое время изобретателя термина *genocide* (от греч. *genos* – «раса, нация, племя» и лат. *caedere* – «убивать») польского и американского юриста еврейского происхождения Рафаэля Лемкина к случаю истребления армян в Османской империи, как к основополагающему примеру описываемого им в правовом контексте явления. В результате юридическая находка, выдуманная семьдесят три года назад, стала главным аргументом для членов армянского сообщества, которые апеллируют им, чтобы лишний раз доказать правоту своих национальных требований и интересов.

– *От «единого» конца к «единому» началу*. «Народ, травмированный навсегда»²⁴⁷ – звучное сравнение, идея-миф, одновременно панацея и способ выживания, транслируемые на всех трех уровнях консолидации: нация/народ, нация-государство, диас-

²⁴⁶ Как заметил один из лидеров краснодарского армянского движения: «Выражаясь медицинскими понятиями, геноцид шел генотипом армян» (О.М. Беседа: 7 сентября 2016 г., Краснодар).

²⁴⁷ По убеждению одной информантки: «И потом, я считаю, что мы вообще как лакмусовая бумажка человечества, армяне. Я настаиваю на этом. Если плохо нам, всему остальному миру по определению не может быть хорошо. Чем хуже нам, тем хуже всему остальному миру» (Симоньян М.С. Интервью: 10 сентября 2016 г., Краснодар).

пора. Вопреки устоявшемуся утверждению, что трагедия затронула лишь западную группу армян (локальный «конец», породивший в итоге масштабное «начало», т.е. диаспору), символизм общего горя и его совместное преодоление демонстрируются в рамках обобщенного знаменателя национальной истории. Следовательно, долгожданная победа в нелегкой борьбе (будущее признание преступления против человечества любым турецким правительством) становится приоритетным направлением государственной деятельности. И она, эта победа, должна способствовать, в первую очередь, восстановлению справедливости в отношении армян, т.е. их реабилитации и преодолению ущербного имиджа в глазах мирового сообщества (осуждение геноцида наделяет неким подобием престижа этническую группу, пережившую этот непосильный акт злодеяния).

– *«Лети, лети лепесток...»*. Визуальной репрезентацией *геноцидальности* в сопутствующем вербальном сопровождении (имеется в виду девиз «Помню и требую») выступает эмблема столетней годовщины, где символизмом не наделены, кажется, только контуры изображения. «Незабудка (армянская)» или Հիշխման օրհանգիստը соединила в себе национальное прошлое, настоящее и будущее с ожидаемой трактовкой ее составных элементов. Официальная эмблема с прописанной знаковой концепцией призвана, с одной стороны, солидаризировать всех армян, а с другой – сигнализировать общественности о наличии нерешенной проблемы, с чем она успешно справляется в силу своей мобильности второй год подряд, в отличие от других символов. Так, «незабудка» содержит в одной из своих структурных частей намек на Цицернакаберд (Շիրոնիակաթեր) – знаменитый мемориальный комплекс, посвященный жертвам резни 1915 г. Другими словами, если раньше необходимо было добраться до «исторической родины», чтобы посетить этот памятник, то теперь задача в некоторой степени облегчается благодаря универсальной «незабудке», присутствующей на разного рода доступной сувенирной продукции (автомобильные и телефонные наклейки, значки, шары, шарфы и т.д.).

Вероятно, среди множества причин, которые привели к всплеску такой формы объединения, определенную роль играет долгое замалчивание о трагедии как в диаспоре, так и в самой Армении. Как известно, традиция организаций ежегодных памятных мероприятий 24 апреля стартовала в Советской Армении лишь в 1965 г., т.е. ровно в пятидесятую годовщину скорбных

событий²⁴⁸. Массовые демонстрации с открытыми и смелыми заявлениями, ранее не декларируемыми армянами, пробудили живой интерес к перипетиям собственной истории. Исключением не стала и краснодарская община, постепенно вовлекаемая в общеармянский процесс осмысления геноцида. Своеобразной притчей во языцех остается лиричная ситуация, имевшая место в 1970-х гг. и отражающая первые робкие попытки выразить личное отношение к проблеме назло политическим режимам и привитым в целях самосохранения внутренним табу:

«...но 24 апреля отмечали. Вот я запомнил от противного, такой очень хороший, всегда это, вот М. в плюс, так сказать. Значит, молодые были совсем, вот и как-то по краю... даже помню место, где это было [подчеркивает], на по Мира и чуть-чуть не доходя Красной [центральные улицы Краснодара – прим. авт.]. Там, где была раньше гостиница “Центральная” <...> Вот, и мы идем с мальчишками, хохочем, смеемся [эмоционально], и вдруг на встречу М. идет. И у нее в волосах черная лента. И когда я издали увидел черную ленту, я вдруг осознал, что сегодня 24 апреля. И мне так стало плохо и неудобно, я так сразу замолк. И я это всегда и М. это не раз говорил, и всегда вспоминаю, вот. Хотя она моложе была на пять лет...»²⁴⁹.

«...Поэтому о геноциде речи не было. Вот тер Д., если ты с ним общалась, он всегда вспоминает, когда речь заходит обо мне, он всегда говорит это, да, что я в черной косынке на голове. Девочка, мне было четырнадцать или пятнадцать лет, совсем ребенок. Он спросил: “В чем дело? Кто умер?” Я сказала, что умерли все...»²⁵⁰.

Реификация воспоминаний о геноциде 1915 г. превращается в альтернативный метод понимания многосложного явления и этнической общности как таковых через метафору коллективной травмы. Более того, актуализация описываемого движения наблюдается буквально в последние десятилетия, что и не удивительно, поскольку невозможно было повернуть хронометр вспять и избежать наступления краеугольной даты – столетия общенациональной беды. Однако, несмотря на отсутствие в международном календаре памятных дат наименования *International Armenian*

²⁴⁸ Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003. С. 48.

²⁴⁹ о. Даниэл (В.Г. Кукуян). Интервью: 7 сентября 2016 г., Краснодар.

²⁵⁰ Симоньян М.С. Интервью: 10 сентября 2016 г., Краснодар.

*Genocide Remembrance Day*²⁵¹ (по аналогии с *International Holocaust Remembrance Day*, 27 января), 24 апреля в полной мере остается *international* в силу соответствующего характера армянской диаспоры – основного поставщика воспоминаний вековой давности.

Итак, приверженность *геноцидальности* как концепту национального самосознания улавливается также в общей риторике внутри армянского общества г. Краснодара. Причем она фиксируется на совершенно разных уровнях репрезентации. На самом элементарном уровне – визуальном это проявляется в достаточно массовом применении и популяризации атрибутов столетия геноцида (распространяются, как правило, в церковных лавках и во время празднования памятных дней), которые воспринимаются «на ура» не только членами этносообщества, но и успешно циркулируют среди сочувствующего соседям-армянам населения. Правда, иногда данного рода акции не ограничиваются представлением тематических информационных стендов на фестивалях национальных культур, изданием научных и публицистических работ (исторические романы, энциклопедии), воспроизведением уменьшенной копии монумента Цицернакаберд, использованием «незабудки» в качестве наклеек на средствах передвижения (легковые автомобили, городской транспорт, кареты скорой помощи), ношением брошей, значков и прочих стилизованных аксессуаров в повседневном дресс-коде. Теперь уже с легкостью узнаваемая символика, к слову, стала неотъемлемой частью декора при завершающем этапе отделки внешних элементов убранства церкви Св. Саака и Месропа (микрорайон Пашковский). Здесь же, на аллее перед входом в храм в 2016 г. была установлена скульптура «Даритель». «Человек создан Творцом, чтобы дарить людям счастье, доброту и любовь», – гласит надпись-заглавие, но помимо всего прочего, «Даритель», очевидно, призван одаривать прохожих букетом из незабудок, которые абсолютно тождественны исходному образцу-прототипу (в скульптуре сохранена оригинальная цветовая гамма эмблемы).

На качественно другом, более сложном по содержанию и посылу уровне репрезентации *геноцидальность* проявляет себя в полной мере в скоординированных действиях двух породнившихся институтов – общинного и церковного. Вплоть до 2015 г. ежегодные апрельские мероприятия, посвященные армянской трагедии, прет-

²⁵¹ 15 апреля 2015 г. парламент Европейского Союза провозгласил 24 апреля европейским Днем памяти жертв геноцида армян в Османской империи в 1915 г.

ворялись обязательными поминальными литургиями и своеобразными народными митингами с минутами молчания у хачкаров во главе с представителями национальной элиты и религиозными деятелями. Следует отметить, что в каждой из двух краснодарских церквей ААЦ в 1990-х и 2000-х гг. были установлены традиционные каменные кресты в память о жертвах кровавой резни. На одном из них (церковь Св. Саака и Месропа, открыт в 2012 г.) высечена любопытная надпись обобщенного характера: «XX-րդ դարի հայ անմեղ զոհերի հիշատակին» («Памяти безвинных жертв армянского народа в XX веке»). Вдобавок памятные действия сопровождались специальными концертами-реквиемами или показами художественных фильмов. Пик единения, как и следовало полагать, наступил в преддверии вековой годовщины. Конкретно в Краснодаре процесс сопровождался целой серией событий преимущественно культурного и религиозного значения. На протяжении всего апреля и мая месяцев 2015 г. силами городской общины были реализованы тематические фотовыставки, вечера памяти, литературные уроки, приуроченные к столетию геноцида армян. На региональном уровне активисты молодежного движения «Миасин» при ЕЮР приняли участие во всероссийской акции «Бессмертные души», которая заключалась в запуске светодиодных воздушных шаров, символизирующих «бессмертие душ невинно убиенных»²⁵².

Кульминацией наблюдаемых событий явилось масштабное мероприятие, организованное 23 апреля на территории церкви Св. Иоанна Евангелиста (микрорайон Фестивальный). По неофициальным данным акцию посетили свыше четырех тысяч человек, среди них – духовное руководство Епархии Юга России ААЦ, представители Русской Православной Церкви, лидеры национальных общин края, а также уполномоченные делегаты от местных властей²⁵³. По общему сценарию она перекликалась с идентичными акциями во многих регионах России. Ожидаемым моментом, как и собственно поводом для грандиозного сбора кроме траурного концерта, послужила вечерняя прямая трансляция церемонии канонизации полутора миллионов жертв 1915 г. в Первопрестольном Святом Эчмиадзине (завершилась ровно в 19.15 минутой молчания). Как

²⁵² Акция «Бессмертные души». 19 апреля 2015 г. // Общеобразовательная начальная школа «Армат»

URL: armatschool.ru/news/1/Aktchiya-Bessmertnie-dushi (доступ от 13.09.2016).

²⁵³ 100-летие Геноцида. 23 апреля 2015 г. // Общеобразовательная начальная школа «Армат»

URL: armatschool.ru/news/4/-letie-Genotchida (доступ от 13.09.2016).

того и требовало нововведение армянского церковного календаря, следующий день, т.е. 24 апреля 2015 г. Краснодарская диаспора / община отмечала уже как «Поминование святых мучеников, принявших мучение (смерть) за веру и отечество во время Геноцида армян». Основные события были перенесены в границы второй церкви – Св. Саака и Месропа, где по случаю собирательного причисления к лику святых и по предварительному предложению, поступившему ранее от Эчмиадзинского Католикосата подчиняющимся структурам, был освящен построенный в храмовом дворе открытый алтарь (խրիւի) в честь великомучеников. Инициатором создания сакральной постройки (трактуются как единственная в своем роде не только в РФ, но и во всей диаспоре) и ее непосредственным автором выступил один из хачкаворов церкви²⁵⁴.

Аналогичные мероприятия, правда, приуроченные теперь к памяти священномучеников, имели место и в 2016 году²⁵⁵. Интересно, что грандиозный шаг в определенном смысле произвел слом в утвердившемся на протяжении стольких лет понимании геноцида: окончательный сдвиг в религиозную сферу (полтора миллионов смертей в обмен на полтора миллиона святых) вызвал некую растерянность в армянском сообществе. На этот факт со справедливой долей скептицизма указал и настоятель церкви Св. Саака и Месропа отец Даниэл (Кукуян):

«Вот сейчас интересна вот такая деталь [акцентирует], что немн... некая растерянность возникла с... в связи с освящением... Да, потому что теперь люди, раньше было просто, говорили: “Геноцид, поминальные службы и требования возвращения земель”. А сейчас уже вроде поминальных служб нет, а требования остались, и как это строить и какая-то такая небольшая растерянность присутствует, как, как строить это вот на массовых мероприятиях, свои требования предъявлять и прочее, прочее. У некоторых есть такой... Национально настроенные люди все равно продолжают через, ну, вот, говорить о геноциде. Люди более, так сказать, привязанные к церкви, наоборот, говорят о духовном возрождении через освящение этих... священномучеников, вот... Но какой-то пока вот устойчивости

²⁵⁴ О.М. Беседа: 7 сентября 2016 г., Краснодар.

²⁵⁵ 24 апреля в церкви Святых Саака и Месропа. 24 апреля 2016 г. // Армянская Апостольская Церковь. Епархия Юга России
URL: armenianchurchsouth.ru/archives/2285 (доступ от 13.09.2016).

такой нет, потому что, конечно, освящение полутора миллионов человек – это я лично сопоставляю и всегда об этом говорю, с принятием христианства в 301 году. И так же как и в 301 году, наверняка, это ж щас мы смотрим: “В 301 приняли христианство” [эмоционально], но это ж был процесс?! Это не так, что хлопнули в ладоши, и все стали христиане, так и щас. Это процесс, люди не осознают, что такое полтора миллиона святых иметь на небесах, какая это ответственность. Но он, постепенно этот процесс идет...»²⁵⁶.

Безусловно, для осознания сути нового процесса требуется какой-то промежуток времени, и очевидно, что явление мощного порядка под конфессиональной эгидой видоизменит облик самой *геноцидальности* или, по крайней мере, в не меньшей степени поспособствует этому.

Одной из особенностей публичной полемики становится трансформация применимости понятия «геноцид» представителями различных армянских субэтнических групп г. Краснодара (в широком контексте «восточные» армяне vs. «западные» армяне). Отличительная черта дискуссии кроется в нарастающем добавлении «азербайджанских и карабахских сюжетов» в общую нить повествований о трагедии, случившейся более века тому назад. Но отмечаемая тенденция отнюдь не нова: одноименные призывы полногласно звучали и отчетливо читались, к примеру, на плакатах и транспарантах²⁵⁷ Карабахского движения в Армении в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., когда резня 1915 г. в Османской империи и сумгайтские (1988 г.) и бакинские погромы (1990 гг.) в Азербайджане сопоставлялись населением как равнозначные геноциды²⁵⁸. Дальнейший вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе лишь укрепил эти предположения и привел к рецидиву неугасающей коллективной травмы, заставив заново кровоточить незатянувшиеся «национальные раны».

²⁵⁶ о. Даниэл (В.Г. Кукуян). Интервью: 7 сентября 2016 г., Краснодар.

²⁵⁷ Подробнее об этом вопросе см.: Марутян А.Т. Геноцид армян. Историческая память и трансформация этнических стереотипов (по материалам транспарантов и плакатов Карабахского движения) // Армяне Северного Кавказа. *Studia Pontocausica* II. Краснодар, 1995. С. 160–169.

²⁵⁸ Некоторые информанты, проживавшие на тот момент в Ереване, отмечают, что после событий в Сумгаите и Баку, как и следовало ожидать, заметно возросло число участвующих в траурных митингах и шествиях 24 апреля, наблюдался новый виток массового интереса к былой трагедии (Саргсян К.Г. Беседа: 15 сентября 2016 г., Краснодар).

Отголоски этой совокупной травмы до сих пор раздаются внутри краснодарской общины и сталкивают лицом к лицу проживающих в кубанской столице представителей всех «поколений боли»: тех, кто «родом из геноцида», и тех, кто «бежал от сумгаитов». В результате, все чаще в период проведения ежегодных круглых столов, памятных конференций или молодежных диспутов, приуроченных к годовщине геноцида 1915 г., отмечается перенос эпохального термина выходцами из Нагорного Карабаха на более поздние события (имеются в виду армянские погромы в Азербайджане, Карабахская война и последнее вооруженное столкновение в апреле 2016 г.)²⁵⁹. С одной стороны, вроде бы складывается впечатление, что на этом фоне в меньшинстве остается глас истинных потомков поколения уцелевших жертв геноцида, чья риторика по вопросу стала с годами чуть мягче. С другой стороны, очевидной остается и обратная тенденция: при обсуждении происшествий советского и постсоветского времен внезапно всплывает яркий аналог из прошлого – турецкий ятаган и багровая весна в пустыне. Таким образом, оба трагических события становятся взаимосинонимичными в рамках все того же мерила – геноцида (сюда уместно добавить отсылку к болезненным эпизодам армяно-азербайджанских отношений в начале XX в.). Отсюда и берут свое начало хачкары с указанными обобщенными надписями, подобно тому, о котором говорилось выше.

Активизация обсуждения проблемы в представленном русле набирала обороты и после «апрельской войны» 2016 г. Общий тон беспокойства напряженностью в НКР даже немного потеснил подготовку к сто первой годовщине геноцида (она же – первая годовщина собирательной канонизации). В итоге, охваченные паникой местные представители общины (среди них и многочисленные лидеры не оформившегося карабахского землячества), организовали стихийный сбор средств для оказания финансовой и технической поддержки «нашему Арцаху/Карабаху». Далее, на протяжении весенне-летнего сезона последовали организация и проведение целой череды мероприятий, лейтмотивом которых оставался все тот же призыв. Так претворялись в жизнь благотворительные проекты разных степеней сложности: от простых ярмарок на территории церквей и концертов ансамблей армянского

²⁵⁹ Может быть, отчасти такое положение вещей объясняется превалянием выходцев из Нагорного Карабаха и Азербайджана среди членов местной национальной элиты, что, в свою очередь, приводит к смене вектора общей дискуссии в обозначенном направлении.

народного творчества до частных закрытых аукционов среди бизнесменов города и грандиозных по масштабу конкурсов красоты. Собранные средства от акций позже были лично переданы организаторами мероприятий жителям одного из сел Мартунинского района Нагорно-Карабахской Республики.

Подходя к заключению, хотелось бы заметить, что мотив «выживания» армян после получения главной коллективной травмы – геноцида 1915 г. в Османской империи на фоне отрицания этого факта виновной стороной, симптоматичным образом привел к укреплению «живучести» самой памяти об ужасающих событиях. В последствие именно рефлексия на основе этих травмирующих воспоминаний привела к адаптации понятия «геноцид» в значении интегрирующего маркера идентичности–*геноцидальности*, цель которой постепенно выходит за границы обычного «выживания» и концентрируется на сплочении выживших и живущих. Акт сакрализации геноцида путем церковной канонизации его жертв в собирательном порядке сделал символизм злодеяния легальным и навсегда вписал память о нем в общенародную книгу судьбы.

Описанные на примере краснодарской общины путешествия во времени консолидирующей идеи в виде *геноцидальности*, позволяющей мыслить себя как некую общность через причастность к трагедии, напоминают хорошо знакомую конструктивистскую концепцию Бенедикта Андерсона о «воображаемых сообществах»²⁶⁰. Конечно, размышления категориями общенационального горя помещают разорванные в хронологическом плане и географической локализации случаи в один непрерывный континуум – армянскую национальную историю, воспринимаемую как единую этнической (армянской) общностью, для которой уже наверняка термин «геноцид» адаптирован в качестве синонима любых форм посягательств на право существования (и не только физического). Ведь нередко современную социальную обстановку в независимой Республике Армения объясняют, прибегая к столь знакомой до боли метафоре, к слову, ставшему почти нарицательным. При этом следует принимать во внимание, что сегодняшняя армянская община г. Краснодара – это уже далеко не сложившаяся под влиянием событий 1915 г. часть диаспоры. «Старожилы» здесь заметно уступают поселенцам последних волн массовых миграций, и вполне справедливо возникают те дискуссии, о которых говорилось выше.

²⁶⁰ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М., 2001.

Иначе говоря, логично допускать, что феномен *геноцидальности* для армянского сообщества (в том числе и краснодарского) заключается преимущественно в осмыслении геноцида, как явления не совершенного и законченного, а как длительного или, точнее, длящегося процесса, в котором пересекаются все народные бедствия независимо от того, что официально они трактуются совершенно иначе по содержанию и достигнутому эффекту. Эту изнаночную сторону рефлексий о геноциде и представляет собой предлагаемое нами понятие. И как заметила в беседе одна из информанток: *«Я считаю себя человеком... геноцида. Я его не пережила. Я его не завершила. Я с ним борюсь. Борюсь активно. Вот теми способами, теми возможностями, которые у меня есть, и я ему противодействую...»*.

Արուայակ Աղաբաբյան (ՌՂ), «Հիշողության խաղեր» կամ «Իմ գեներիդալության մասին ես կպատմեմ ամբողջ աշխարհին»:
Համաձայն 2010 թ. համառուսաստանյան մարդահամարի տվյալների՝ ՌՂ Կրասնոդարի մարզում և մասնավորապես մարզկենտրոն Կրասնոդար քաղաքում հայ վերաբնակիչները այլ էթնիկ խմբավորումների շարքում բնակչության քանակով զբաղեցնում են երկրորդ տեղը: Ամենաշատ թվով հայկական էթնիկ խմբեր, չհաշված Թուրքիայից և Վրաստանից գաղթածները, Կրասնոդար են եկել 1980-90 թվականներին, որի հիմնական պատճառները կապված էին վերահաս ողբերգության և քաղաքական անկայուն իրադարձությունների հետ, այդ թվում՝ Խորհրդային Միության փլուզուման, 1988թ.–ի Սպիտակի ավերիչ երկրաշարժի, 1991-94 թթ. հայ-ադրբեջանական զինված համակարտության, Հայաստանի Հանրապետությունում անկայուն ֆինանսական դրության և այլնի հետ: Աստիճանաբար Կրասնոդարում հաստատված հայ համայնքի առաջնորդների ջանքերով կազմավորվում է հայկական սխյուռքը, որի գործունեությունը մեծ առաջընթաց է գրանցում՝ սկսած 2000-ականների սկզբից՝ եկեղեցիների կառուցում, կիրակնօրյա դպրոցի հիմնում, տպագրական գործունեության իրականացում:

Ակտիվորեն ներգրավված լինելով համահայկական խնդիրների լուծման հռետորաբանության մեջ՝ տեղական համայնքի անդամները եկեղեցական գործիչների հետ միասին մեծ ուշադրության են արժանացնում նաև **գեներիդալությունի** ներկայացման գործընթացին: Այս պայմանական տերմինի տակ պետք է հասկանալ երրորդ լեզվական և դավանաբանական պատկանելությունից հետո, և ժամանակագրորեն ամենաուշն ի հայտ եկող հայկական ինքնության գլխավոր տարրը, որի էությունը հետևյալն է՝ մշտապես մնալ պահանջատեր, որպեսզի ճանաչվի և դատապարտվի 101 տարի առաջ Օսմանյան

կայսրության կողմից իրականացված միջազգային հանցագործությունը, այն է՝ հայոց ցեղասպանությունը: Ներկայումս այս տարրը իր նախորդ երկու տարրերի հետ միասին հասցրել է դառնալ կարևոր մշակութային խորհրդանիշ՝ անկախ իր կրողի տեղական ծագումից:

Arusiak Aghababyan (RF), "*Games of the Memory*" or "*I want to tell the World about my Genocidalit*". Today Armenians are the second largest ethnic group in the Krasnodar region and, in particular, in its administrative center – Krasnodar city (Russian population census, 2010)., The big part of this people (excluding early refugees from Turkey and Georgia), who represent the several Armenians subethnic groups, came here at the end of the 1980s – 1990s. after a series of tragic events and political changes in Post-Soviet territory (devastating earthquake in Spitak in 1988, demise of the USSR, armed conflict between Armenia and Azerbaijan in 1991–94, economical migration from Republic of Armenia, etc.). The national leaders after years start to form the Armenian community in Krasnodar and their activity goes to the progressive level only at the beginning of the 2000s. (religious rebirth and educational movement). Being actively involved in addressing issues of pan-Armenian rhetoric, members of the local community together with the great religious figures also focuses on submission of *genocidalit*. The term means the third (after the language and religious affiliation) marker of the Armenians identity, the essence of which lies in the persistent upholding the requirements of recognition of an international crime committed 101 years ago in the Ottoman Empire and their expression through the legitimate ways. But this element together with his previous two elements managed to become an important cultural symbol, regardless of its bearer local origin.